БС
166
.А5
А84

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.
Петроградскій Отдѣлъ Лиги Аграрныхъ реформъ.

333
Б88

АГРАРНЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ РОССІИ.

Выпускъ I.

Б. Д. Бруцкусъ.

Къ современному положенію аграрнаго вопроса.

1363

Приложеніе: „Программа изслѣдованія условій разрѣшенія земельнаго вопроса въ Россіи“.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума (отдѣленіе), Новоисаакіевская, 20.
1917

333
Б.83

333
588

Предисловіе.

Въ засѣданіи 6-го апрѣля Вольное Экономическое Общество постановило образовать при обществѣ петроградскій отдѣлъ Лиги аграрныхъ реформъ. Задачи Лиги заключаются во всестороннемъ и безпартіиномъ, вполнѣ объективномъ и научномъ выясненіи условій проведенія предстоящихъ Россіи земельныхъ реформъ, въ соотвѣтствіи съ интересами трудящихся классовъ. Образованный отдѣлъ Лиги немедленно приступилъ къ работѣ и въ первыхъ же своихъ засѣданіяхъ выработалъ программу изслѣдованія условій разрѣшенія земельнаго вопроса въ Россіи, которая печатается въ настоящемъ изданіи.

Доклады, заслушиваемые въ засѣданіяхъ Лиги, а также и Вольнаго Экономическаго Общества, поскольку эти послѣдніе доклады по своей темѣ имѣютъ сходный характеръ, будутъ печататься отдѣльными выпусками подъ общимъ заголовкомъ «Аграрные вопросы въ Россіи».

Въ каждомъ выпускѣ будетъ печататься особый докладъ, имѣющій самостоятельное значеніе.

Въ настоящемъ выпускѣ помѣщенъ докладъ Б. Д. Бруцкуса. прочитанный имъ въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ 6 апрѣля 1917 г., въ приложеніи же помѣщена выработанная Петроградскимъ отдѣломъ Лиги: «Программа изслѣдованія условій разрѣшенія земельнаго вопроса въ Россіи».

Къ современному положенію аграрнаго вопроса.

Въ мрачную эпоху контръ-революціи Вольное Экономическое Общество, поскольку старый режимъ ему не препятствовалъ, неоднократно подходило къ обсужденію тѣхъ или другихъ сторонъ аграрнаго вопроса, и мнѣ приходилось принимать въ этомъ обсужденіи участіе. Тѣмъ не менѣе, когда Совѣтъ Вольнаго Экономическаго Общества удостоилъ меня предложеніемъ прочитать докладъ объ аграрномъ вопросѣ въ первомъ же общемъ собраніи послѣ возобновленія дѣятельности Общества, я принялъ его не безъ смущенія, и не безъ волненія поднялся я на эту, знакомую мнѣ, трибуну Общества. Это чувство связано у меня съ сознаніемъ той исключительной отвѣтственности, которая падаетъ на наше Общество въ настоящій критическій моментъ жизни страны при обсужденіи столь остро поставленнаго аграрнаго вопроса.

Это положеніе въ настоящее время существенно отлично отъ того, въ которомъ Общество находилось при старомъ режимѣ. Тогда наша трибуна была одной изъ отдушинъ, черезъ которую могъ иногда раздаваться голосъ русскаго общества по аграрному вопросу; отъ политической задачи формированія русскаго общественнаго мнѣнія въ противовѣсъ старому режиму Вольное Экономическое Общество не могло тогда отказаться. Теперь наша задача не та. Организація интеллигенціи и широкихъ народныхъ массъ происходитъ въ настоящее время повсюду свободно, и намъ остается сосредоточить свои усилія на другомъ, на той задачѣ, которая въ другомъ мѣстѣ не можетъ быть выполнена. Обще-

ство, вооруженное знаніемъ русской экономической дѣйствительности, вооруженное пониманіемъ экономическихъ законовъ, должно указать тѣ средства, съ помощью коихъ требованія демократіи могутъ быть осуществлены. При этомъ Вольное Экономическое Общество должно обратить особенное вниманіе на согласованіе соціальныхъ моментовъ аграрной реформы съ производственными моментами, о чемъ демократія сплошь и рядомъ въ пылу соціальной борьбы забываетъ. А между тѣмъ всякая серьезная ошибка въ этой области въ концѣ концовъ отражается на демократіи, колеблетъ ея власть и готовитъ контръ-революцію. Для того, чтобы удовлетворительно рѣшить эту задачу, необходимо нѣсколько изолироваться отъ шума политической борьбы. Всѣ мы тяготѣемъ къ тѣмъ или другимъ политическимъ партіямъ. Но здѣсь, въ стѣнахъ Вольного Экономическаго Общества, я чувствую себя свободнымъ отъ партійныхъ формулъ, и я надѣюсь, что также будутъ себя чувствовать и всѣ участвующіе въ высокоотвѣтственной работѣ нашего Общества.

Нѣкоторые, можетъ быть, скажутъ: развѣ аграрный вопросъ не былъ въ 1905 г. поставленъ и вырѣшенъ въ программахъ политическихъ партій въ соотвѣтствіи съ политическими интересами, которые каждая партія представляла? И развѣ въ этомъ вопросѣ можно сейчасъ выдвинуть новыя точки зрѣнія, новые принципы? Однако, я исхожу изъ глубокаго убѣжденія, что великія соціально-экономическія проблемы не рѣшаются голыми формулами самаго общаго содержанія, которыя именно и значились въ старыхъ программахъ. Эти формулы въ лучшемъ случаѣ могутъ дать кое-какія директивы; но проблемы жизни рѣшаются системой конкретныхъ мѣропріятій, отвѣчающихъ на конкретныя нужды. Къ такой, болѣе глубокой разработкѣ вопроса успѣла приступить только партія народной свободы, но и она эту работу при старомъ режимѣ бросила въ моментъ, когда убѣдилась, что не можетъ оказать никакого вліянія на ходъ аграрной реформы. Что касается другихъ партій, то онѣ къ такой работѣ и не приступали, а остались при весьма общихъ лозунгахъ, звучащихъ, какъ призывъ къ борьбѣ во имя широкихъ достиженій, но не

вылившихся въ систему конкретныхъ мѣропріятій. И за это эти партіи, конечно, нельзя упрекать, ибо имъ было не до спокойной работы, онѣ все время находились въ борьбѣ, подъ ураганнымъ огнемъ контръ-революціи.

Но если бы даже программы 1905 г. и были солиднѣе разработаны, все же ихъ слѣдовало бы признать въ настоящее время подлежащими самому серьезному пересмотру, ибо за двѣнадцать лѣтъ, протекшихъ съ того времени, существенно измѣнилась экономическая конъюнктура; и кромѣ того, нельзя не признать, что реформы контръ-революціонной эпохи, какъ бы мы ихъ ни оцѣнивали, оказали глубокое вліяніе на строй аграрныхъ отношеній.

I.

Я остановлюсь прежде всего на происшедшихъ перемѣнахъ въ экономическихъ конъюнктурахъ. Процессъ индустріализаціи страны, который непрерывно шелъ съ момента освобожденія крестьянъ, сдѣлалъ значительные успѣхи въ контръ-революціонную эпоху. Въ связи съ этимъ сильно подвинулась профессіональная дифференціація населенія. Война чрезвычайно подогнала этотъ процессъ созданіемъ громадной военной индустріи, которая, послѣ ея приспособленія на службу потребностямъ мирнаго времени, несомнѣнно, въ значительной части сохранитъ свое существованіе. Кромѣ того, наплывъ во внутреннюю Россію трехъ милліоновъ бѣженцевъ, перенесшихъ туда промышленность Польши и Литвы, является также чрезвычайно важнымъ шагомъ къ индустріализаціи внутренней Россіи. Уже до войны ростъ внутренняго рынка для сельскохозяйственныхъ продуктовъ вызвалъ изрядное (примѣрно на 40% по сравненію съ началомъ столѣтія) поднятіе цѣнъ на продукты животноводства, на которые промысловое населеніе всегда предъявляетъ усиленный спросъ. Въ то же время міровыя конъюнктуры вызвали съ начала столѣтія общій подъемъ цѣнъ и на зерновые продукты. Надо полагать, что и послѣ войны напряженный спросъ на продукты сельскаго хозяйства будетъ продолжаться, и въ частности внутренній рынокъ

будетъ, на ряду съ внѣшнимъ, пріобрѣтать все большее значеніе для нашего сельскаго хозяйства.

Подъ вліяніемъ этихъ условій уже до войны намѣтился процессъ интенсивированія хозяйства и не только владѣльческаго, но и крестьянскаго. Можно прямо утверждать, что именно въ эпоху контръ-революціи русское крестьянское хозяйство сдвинулось съ той мертвой точки, на которой оно стояло въ теченіе десятилѣтій. И какъ бы мы отрицательно ни относились къ старому режиму, несомнѣнно, что онъ, поскольку это было совмѣстимо съ его природой, стремился прогрессъ крестьянскаго хозяйства поддержать.

Теперь создались условія для привлеченія къ землѣ капитала (на службу крестьянскому хозяйству, а не для господства надъ нимъ). Быстрый культурный ростъ крестьянства и развитіе его самодѣятельности, которые режимъ демократіи обязанъ обезпечить, создадутъ и всѣ субъективныя предпосылки для интенсивированія крестьянскаго хозяйства. Такимъ образомъ, передъ русскимъ сельскимъ хозяйствомъ открыты широкія возможности, и эти возможности должны быть использованы, ибо въ ближайшее время мы можемъ улучшить свой торговый балансъ единственно только вывозомъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Очевидно, что и вся аграрная реформа новаго режима должна быть приспособлена къ рѣшенію этой проблемы.

И вотъ для того, чтобы подойти къ правильному рѣшенію этой задачи, какъ мнѣ представляется, необходимо подвергнуть коренному пересмотру всѣ основные взгляды русскаго общества на аграрный вопросъ. Задача эта психологически не легкая, ибо многіе взгляды имѣютъ глубокія традиціи, и вытекающіе изъ нихъ лозунги освящены кровью мучениковъ. Но я глубоко убѣжденъ, что переработка идей и лозунговъ въ соотвѣтствіи съ требованіями времени не является измѣной тому, чему служили борцы за свободу. Наше поколѣніе обязано мыслить и искать новыхъ путей столь же смѣло и свободно, какъ ихъ искали прежнія поколѣнія.

Мнѣ представляется, что намъ необходимо прежде всего преодолѣть ту натурально-хозяйственную концепцію народнаго хозяйства, которая глубоко проникаетъ до сихъ поръ

міровоззрѣніе русской интеллигенціи. Оно нашло себѣ выраженіе въ утвержденіи, что будто главной причиной того экономическаго упадка, который переживала въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія значительная часть сельскаго населенія Россіи, и отъ котораго это населеніе не оправилось еще и теперь, является малоземелье. Понятіе малоземелья, какъ объясненіе экономическаго кризиса, является характернымъ для русской литературы; въ западноевропейской экономической литературѣ такъ экономическихъ кризисовъ, хотя бы и на аграрной почвѣ, не объясняютъ. Не трудно видѣть, что объясненіе это базируется на натуральнохозяйственной концепціи народнаго хозяйства. Оно предполагаетъ, что все сельское населеніе должно жить отъ дохода съ собственной земли, что площадь эта уже точно предопредѣляетъ размѣры дохода: изъ этого взгляда вытекаетъ, что площадь крестьянскаго землевладѣнія должна расти въ томъ же темпѣ, какъ идетъ размноженіе сельскаго населенія.

Это объясненіе было недостаточно даже и въ семидесятыхъ годахъ, когда оно было формулировано; уже тогда крестьяне хозяйничали вѣдь не только на надѣльной землѣ, а еще на приарендованной. Тѣмъ болѣе оно несостоятельно въ настоящее время, когда открылись широкія возможности для интенсивированія крестьянскаго хозяйства, когда сельское населеніе юго-западныхъ губерній Россіи и большой части черноземной полосы живетъ въ значительной мѣрѣ работой въ чужихъ хозяйствахъ, когда населеніе имѣетъ разнообразные промыслы — мѣстные и отхожіе, и когда имѣются цѣлые районы промышленной полосы, въ которыхъ большинство сельскаго населенія состоитъ изъ женщинъ и дѣтей, остающихся на мѣстѣ лишь потому, что въ нашихъ неблагоустроенныхъ городахъ жить дорого и нездорово.

Указанному объясненію нашего аграрнаго кризиса я позволю себѣ противопоставить другое. Я назвалъ бы его аграрнымъ перенаселеніемъ. Происхожденіе же его состоитъ не только въ недостаточномъ землевладѣніи крестьянъ. Мы видимъ, что въ Западной Европѣ, при совер-

шенно ничтожномъ земельномъ фондѣ трудового населенія, явленія аграрнаго перенаселенія замѣчаются довольно рѣдко. Причина русскаго аграрнаго кризиса мнѣ представляется болѣе общаго характера—это медленный темпъ экономическаго развитія Россіи, не соотвѣтствующій ни международному положенію ея, ни темпу разрастанія ея населенія. Россія вынуждена въ военномъ отношеніи тянуться за самыми передовыми государствами міра, ея господствующіе классы усваиваютъ себѣ всѣ потребности европейскихъ верховъ. Ея населеніе, въ связи съ невысокимъ уровнемъ культуры, отличается исключительно высокимъ процентомъ рождаемости: между тѣмъ режимъ реакціи, прочно утвердившійся въ Россіи съ 70-хъ годовъ, не далъ возможности крестьянству использовать рыночныя конъюнктуры для интенсивированія хозяйства, онъ не стимулировалъ прогресса и крупнаго хозяйства, онъ не обезпечивалъ широкаго развитія промышленности, которая могла бы вызвать оттокъ избыточнаго населенія отъ земли; наконецъ, въ теченіе трехъ десятилѣтій онъ упорно задерживалъ колонизацію окраинъ, и почти до настоящаго дня онъ безсмысленно тормозилъ и эмиграцію за океанъ. При такихъ условіяхъ быстро размножающееся, особенно при господствѣ порядковъ общиннаго землевладѣнія, крестьянство скоплялось на своихъ надѣлахъ и, мѣняя очень медленно свои системы хозяйства, создавало избыточное предложеніе рабочихъ рукъ и избыточное количество ѣдоковъ. Что касается аграрныхъ отношеній Россіи, то нельзя не признать, что они сложились, въ общемъ, лучше, чѣмъ въ большинствѣ государствъ Запада, ибо, какъ ни какъ, большая часть сельскохозяйственной площади находится въ безраздѣльномъ владѣніи трудового народа, а не высшихъ классовъ.

Изъ натурально-хозяйственной концепціи экономическихъ отношеній вытекаетъ и универсальное и единственное средство для лѣченія экономическихъ болѣзней, оно состоитъ во всеобщей прирѣзкѣ земли, къ которой естественно, совершенно стихійно тяготѣютъ массы сельскаго населенія. При этомъ русская интеллигенція даже и элементарную мысль о томъ, что, въ концѣ концовъ, вѣдь земля не раз-

множается, и что даже при полной демократизаціи землевладѣнія все же увеличеніе земельнаго фонда трудового населенія противъ того, чѣмъ это населеніе уже сейчасъ располагаетъ, имѣетъ свои довольно узкіе предѣлы, считаетъ какой-то реакціонной ересью.

Идея всеобщаго дополнительнаго надѣленія крестьянства кульминируетъ въ извѣстномъ лозунгѣ: «право на землю». Лозунгъ этотъ былъ провозглашенъ еще вдохновеннымъ учителемъ русской интеллигенціи Н. Г. Чернышевскимъ, онъ вылился у него въ классической фразѣ: «Я сынъ моей родины,—этого довольно, родина поступаетъ со мною, какъ мать.... я получаю участокъ изъ государственной собственности. Всѣ дѣти равно милы ей,—я получаю столько же, сколько и братья». Достаточно вдуматься въ эту знаменитую фразу, чтобы понять, что за ней скрывается великій лозунгъ западно-европейскаго рабочаго класса—лозунгъ права на трудъ, вынесенный въ революцію 1848 г. на улицы Парижа и заглохшій послѣ пораженія пролетаріата въ іюньскіе дни. Я вѣрю, что демократія этого лозунга никогда не оставитъ, и такъ или иначе это требованіе будетъ въ соціальной жизни осуществлено. Что касается права на землю, то это есть натурально-хозяйственная переработка лозунга права на трудъ. По мѣрѣ развитія мѣнового хозяйства лозунгъ: «право на землю», теряетъ свое значеніе; государство не обязано и не можетъ предоставить каждому землю для веденія собственнаго хозяйства.

Землю въ настоящее время нельзя разсматривать исключительно, какъ средство пропитанія, она является также высоко цѣннымъ орудіемъ производства въ народномъ хозяйствѣ. Право на землю не можетъ быть осуществлено, ибо требующій земли обязанъ представить кое-какія гарантіи того, что онъ землю, драгоцѣнное орудіе производства народнаго хозяйства, надлежащимъ образомъ используетъ. Право на землю нельзя осуществить, ибо тогда ее нужно было бы неопредѣленно дробить, между тѣмъ какъ для того, чтобы производительность сельскохозяйственнаго труда была достаточной, участокъ долженъ быть по возможности достаточенъ для использованія труда сидящей на немъ семьи.

Наконецъ, право на землю не можетъ быть осуществлено, ибо для того, чтобы земля была доведена до высокаго уровня производительности, должна быть обезпечена длительность пользованія ею. Да и признаніе права на землю не является въ настоящее время необходимостью, ибо земля не является теперь единственнымъ способомъ пропитанія.

При всемъ томъ между интересами производства и распредѣленія серьезныхъ противорѣчій въ сферѣ сельскаго хозяйства нѣтъ. Въ настоящее время не приходится уже доказывать, что трудовое хозяйство является организаціей, способной поднять производительность земли до очень высокаго уровня и тѣмъ самымъ сдѣлать территорію наиболѣе емкой для населенія. Кооперація урегулировала рыночныя отношенія трудового хозяйства и вмѣстѣ съ общественной агрономіей сдѣлала его способнымъ къ техническому прогрессу. А при достаточныхъ размѣрахъ землепользованія и трудъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ можетъ быть достаточно производителенъ. Наоборотъ, крупное хозяйство въ современномъ обществѣ, основанномъ на принципѣ свободы труда, не можетъ установить прочной связи между землей и трудомъ, а потому сплошь и рядомъ оно не въ состояніи довести земли до высокой производительности, что подчасъ сильно понижаетъ емкость территоріи. Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ народнохозяйственныя основанія, которыя даютъ право трудовому хозяину требовать отъ государства особаго вниманія къ интересамъ своего производства и требовать въ тѣхъ же интересахъ перестройки всего уклада аграрныхъ отношеній. И это тѣмъ болѣе, что исторически сложившееся распредѣленіе земельной собственности выросло не на экономическомъ базисѣ, а на базисѣ политическомъ: земли были захвачены высшими классами, благодаря ихъ политическому могуществу, и только небольшая часть этихъ земель была впослѣдствіи использована для созданія на нихъ крупнаго хозяйства.

Содѣйствіе трудовому населенію къ полученію земли въ цѣляхъ созданія или расширенія трудового хозяйства практикуютъ многія государства. Но рѣдко примѣняется тотъ исключительный въ рамкахъ современнаго общества

пріемъ, который провозглашаетъ наша демократія,—принудительное отчужденіе земли, хотя все же и ему можно указать кое-какіе прецеденты. Я не буду говорить объ Австраліи, которая, какъ страна свѣжей колонизаціи, рѣзко отличается отъ Европейской Россіи, но и въ государствахъ Западной Европы прибѣгаютъ иногда къ принудительному отчужденію. Въ 1909 г. прусское правительство провело законъ о принудительномъ выкупѣ земель польскаго землевладѣнія для заселенія ихъ нѣмецкими поселенцами; этотъ законъ имѣетъ, однако, спеціальное назначеніе, и притомъ намъ весьма антипатичное. Больше интереса представляетъ второй англійскій Small Holdings Act отъ 1907 г. Онъ далъ право совѣтамъ графствъ принудительно покупать и арендовать земли крупнаго владѣнія, для содѣйствія устройству на нихъ мелкихъ хозяйствъ. Хотя законъ этотъ и формулированъ въ общей формѣ, все же его значенія не слѣдуетъ преувеличивать; пока онъ все же не повлекъ какой-либо существенной перемѣны въ аграрномъ строѣ Англіи, ибо въ этой насквозь индустріализованной странѣ есть тяга отъ земли, но нѣтъ столь знакомой намъ тяги къ землѣ.

По своему эффекту съ проектируемой у насъ земельной реформой можно сравнить ирландскую аграрную реформу. Законодательное осуществленіе требованій ирландцевъ о регулированіи аренды, которыя были формулированы ирландцами въ такъ называемыхъ трехъ f (fair rent, fixity of tenure, free sale), явилось въ сущности актомъ, лишившимъ лэндлордовъ права свободнаго распоряженія своей землей. Создалась двойная собственность на землю (duel ownership), причемъ права на землю арендатора цѣнились даже выше, чѣмъ права на землю лэндлорда. Такой порядокъ не могъ быть устойчивымъ, и въ настоящее время ирландская реформа завершается,—согласно закону Уиндгэма отъ 1903 г., идетъ при посредничествѣ государства массовый выкупъ ирландскими фермерами правъ землевладѣльцевъ.

Ирландское законодательство имѣло то достоинство, что оно производило частичную экспропріацію правъ землевладѣльца въ пользу заранѣе опредѣленныхъ хозяевъ, имѣв-

шихъ на землю наибольшее моральное право. Предполагаемая у насъ реформа несравненно обширнѣе, она касается чрезвычайно разнообразныхъ по своему экономическому облику районовъ, она расчитана на немедленную ликвидацію правъ землевладѣльцевъ, и проводитъ эту мѣру не въ пользу заранѣе опредѣленныхъ хозяевъ. Постольку эта реформа представляется исключительно сложной. Я позволю себѣ утверждать, что такой, не катастрофической, а планомѣрно проведенной, реформы исторія еще не знаетъ, и слѣдуетъ признать, что сложность предстоящей демократіи работы у насъ не дооцѣнивается, ибо наша интеллигенція слишкомъ легко воспринимаетъ въ этомъ вопросѣ упрощенныя натурально-хозяйственныя концепціи народныхъ массъ. Результаты этой великой реформы зависятъ отъ ея строгаго согласованія съ потребностями народнаго хозяйства. Она можетъ быть исходнымъ пунктомъ и блестящаго экономическаго расцвѣта, но нельзя отъ себя скрывать и того, что она таитъ въ себѣ и громадныя и экономическія, и политическія опасности, и что какъ разъ въ послѣднее время намѣчается опасность подобнаго извращенія реформы.

II.

Попытаемся разобраться въ вопросѣ, можно ли согласовать намѣчаемую великую реформу съ потребностями народнаго хозяйства, и какъ этого согласованія достигнуть.

Прежде всего, что касается вопроса о томъ, выгодно ли принудительное отчужденіе частновладѣльческой земли для превращенія существующихъ малоземельныхъ хозяйствъ въ нормальныя, т. е. до нѣкоторой степени использующія трудъ семьи хозяина, то въ большинствѣ случаевъ этотъ вопросъ рѣшается положительно. Не говоря уже про настоящее, исключительное вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ, время, и до войны весьма значительная, а, можетъ быть, и большая часть владѣльческой пашни находилась въ арендѣ у крестьянъ или обрабатывалась крестьянскимъ инвентаремъ. Развитіе краткосрочной крестьянской аренды была одной изъ важнѣйшихъ причинъ аграрнаго кризиса 1905 г. и остается и поднесь причиной обостренія у насъ аграрнаго вопроса.

Разумѣется, переходъ этой части земельнаго фонда въ руки труда одинаково цѣлесообразно и съ точки зрѣнія интересовъ производства, и съ точки зрѣнія интересовъ распредѣленія.

Нѣсколько сложнѣе обстоитъ вопросъ по отношенію къ той землѣ, на которой ведется крупное хозяйство, и притомъ не крестьянскимъ инвентаремъ. При нѣкоторыхъ недостаткахъ крупнаго хозяйства оно имѣетъ съ народнохозяйственной точки зрѣнія и свои достоинства, выражающіяся часто въ высшей технической постановкѣ хозяйства, обезпечивающей высокую производительность приложеннаго труда и рѣже въ высокомъ уровнѣ интенсивности хозяйства. Реформа громадной важности и громаднаго объема не должна, конечно, повести къ пониженію, а можетъ быть расчитана лишь на повышеніе продуктивности народнаго хозяйства. Однако эта цѣль можетъ быть въ большинствѣ случаевъ достигнута, ибо въ большинствѣ случаевъ крупное хозяйство, если оно даже поставлено технически совершенно, высокой интенсивностью не отличается.

Но все-же здѣсь имѣются исключенія. Самымъ крупнымъ изъ нихъ я считаю свеклосахарныя хозяйства. Въ районѣ право- и лѣво-бережной Украйны мы сплошь и рядомъ видимъ, что культура сахарной свеклы практикуется только въ крупныхъ экономіяхъ, а на сосѣднихъ крестьянскихъ поляхъ почти ничего, кромѣ зерновыхъ хлѣбовъ, не видно. Въ связи съ этимъ культура крестьянскихъ земель стоитъ на гораздо болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ культура владѣльческихъ земель. Можно опредѣленно доказать, что въ такихъ мѣстахъ десятина владѣльческой пашни выплачиваетъ крестьянамъ большую сумму заработной платы, чѣмъ та сумма, которую крестьянинъ получаетъ съ десятины собственнаго надѣла.

Къ счастью, эта пропасть между владѣльческимъ и крестьянскимъ хозяйствомъ на Украйнѣ стала за послѣднія 10—15 лѣтъ сглаживаться. Изъ 700 тысячъ десятинъ, занятыхъ сахарной свеклой наканунѣ войны, надо полагать около 100 тысячъ десятинъ приходились уже на крестьянскія поля. Тѣ трудности, которыя встрѣчаются для культуры сахарной свеклы на крестьянскихъ поляхъ, начинаютъ

преодолѣваться. Такимъ образомъ, въ будущемъ можно предвидѣть, что и всю культуру сахарной свеклы можно будетъ перенести на крестьянскія поля. Но во всякомъ случаѣ задача эта весьма сложная, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что если мы немедленно распарцеллируемъ свеклосахарныя имѣнія, то культура сахарной свеклы сократится до чрезвычайности. Это было-бы тяжелымъ ударомъ для крестьянства наиболѣе населенной части Россіи. Это было бы и потрясеніемъ для важной отрасли промышленности. Если принять во вниманіе, что сахаръ съ чаемъ являются въ извѣстной мѣрѣ заступникомъ водки, то и съ этой точки зрѣнія это было бы крайне нежелательно. Между тѣмъ, какъ разъ укрѣпленіе трезвости обѣщало намъ значительное расширеніе культуры сахарной свеклы, чрезвычайно важной для ликвидаціи явленій аграрнаго перенаселенія на Украйнѣ,—ликвидаціи, которая отчасти уже совершалась въ контръ-революціонный періодъ.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ парцелляціи свеклосахарныхъ имѣній необходимо проявить большую осторожность. Задача эта тѣмъ болѣе трудная, что сопредѣльное съ этими имѣніями крестьянское населеніе, быть можетъ, отъ дополнительной нарѣзки и выиграетъ. Но вѣдь на свеклосахарныхъ плантаціяхъ работаютъ не только сосѣдніе крестьяне. Я оставляю открытымъ вопросъ о судьбѣ этихъ имѣній, но я хотѣлъ бы лишь указать, что предложеніе, которое защищаетъ Н. П. Огановскій, что такія имѣнія должны быть переданы кооперативамъ, мнѣ представляется непріемлемымъ. Трудно преувеличить значеніе кооперація для крестьянскаго хозяйства, но слѣдуетъ все-же сказать, что кооперація до сихъ поръ обслуживала крестьянское хозяйство, оставляя основу производства индивидуализированной. Передача милліоновъ десятинъ культурной земли въ пользованіе кооперативовъ было бы опаснымъ экспериментомъ, и съ крупными народнохозяйственными цѣнностями нельзя производить такихъ экспериментовъ.

Кромѣ свеклосахарныхъ хозяйствъ, я затруднился-бы указать другую значительную группу хозяйствъ, немедленное парцеллированіе коихъ могло бы повредить народному хо-

зяйству. Конечно, имѣются немногія высоко культурныя хозяйства: племенныя, сѣменныя и т. п. Ихъ, конечно, надо сохранить, но это явленія единичныя, не имѣющія большого значенія для общей постановки реформы. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать одинъ принципъ: аграрная реформа не можетъ быть голымъ отрицаніемъ всякаго крупнаго хозяйства. Мѣстные земельные комитеты должны конкретно рѣшать, какъ далеко въ интересахъ малоземельныхъ должна пойти парцелляція крупныхъ хозяйствъ, и только тогда реформа пройдетъ въ согласіи съ интересами народнаго хозяйства. Но я не сомнѣваюсь въ томъ, что кромѣ указаннаго выше крупнаго исключенія, можетъ быть, временнаго, въ остальныхъ районахъ для удовлетворенія нужды малоземельнаго крестьянства въ землѣ, безъ ущерба для народнаго хозяйства, можно будетъ пожертвовать крупнымъ хозяйствомъ.

Теперь я долженъ перейти къ другой сторонѣ реформы— къ вопросу о выкупѣ земли. Въ настоящемъ ученомъ собраніи не приходится подробно доказывать, что безвозмезднаго отобранія земли не можетъ быть. Дѣло здѣсь не въ справедливости или несправедливости подобнаго акта (революція можетъ перешагнуть черезъ мораль буржуазнаго общества), а въ основныхъ интересахъ народнаго хозяйства. Землевладѣльцы имѣютъ титулъ владѣнія землей, но земля вѣдь заложена и, слѣдовательно, цѣнность ея едва ли не въ большей ея части принадлежитъ не имъ. Эта цѣнность принадлежитъ также и не земельнымъ банкамъ, а держателямъ закладныхъ листовъ. При этомъ эти листы относятся къ числу самыхъ солидныхъ бумагъ. Не въ рукахъ спекулянтовъ они находятся; въ нихъ помѣщаютъ свои средства самыя солидныя коммерческія предпріятія, общественныя и благотворительныя учрежденія. Въ связи съ этимъ безвозмездное отчужденіе земли было бы такой всеобщей катастрофой, которая совершенно сломила бы наше еще молодое народное хозяйство. О приливѣ къ намъ иностраннаго капитала, отъ котораго въ такой большой мѣрѣ зависитъ послѣ войны будущность нашего народнаго хозяйства, не могло бы быть рѣчи, даже собственный капиталъ бѣжалъ

бы въ паническомъ ужасѣ за границу или залѣзъ бы въ кубышку. Мы вернулись бы на столѣтіе назадъ, или, что вѣрнѣе, мы попали бы въ зависимость отъ иностранныхъ державъ, которыя въ концѣ-концовъ и стали бы у насъ хозяевами.

Въ опредѣленіи условій отчужденія земли имѣется политическій моментъ, въ виду тѣсной связи нашего помѣстнаго класса съ контръ-революціей. Вѣроятно, этотъ политическій моментъ будетъ такъ или иначе учтенъ. Я хотѣлъ бы здѣсь затронуть единственно экономическую сторону этой проблемы. Я хотѣлъ бы здѣсь указать, что, замѣчавшееся въ Россіи, поднятіе земельныхъ цѣнъ у насъ обычно односторонне объясняютъ чуть-ли не исключительно дѣятельностью Крестьянскаго Банка. Не приходится доказывать того, что Крестьянскій Банкъ былъ созданъ столько же въ интересахъ дворянства, сколько и крестьянства. Не только въ эпоху контръ-революціи, но и прежде онъ былъ двуликимъ Янусомъ. Онъ никогда не былъ заинтересованъ въ пониженіи покупныхъ цѣнъ на землю. Но здѣсь забываютъ то, что Крестьянскій Банкъ является все же финансовымъ институтомъ, который можетъ нарушать интересы своихъ клиентовъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это не грозитъ его финансовому благополучію. Этихъ предѣловъ, какъ свидѣтельствуетъ его финансовое положеніе, онъ не перешелъ.

У насъ упускаютъ изъ виду тѣ объективныя условія, которыя вліяли на подъемъ цѣнъ въ гораздо болѣе сильной степени, чѣмъ могло вліять хотя бы и крупное финансовое учрежденіе. Земельныя цѣны въ Россіи не могли не расти; хотя и медленно, но все же страна экономически развивалась, она прорѣзалась желѣзными дорогами, улучшалась техника хозяйства, и разрастался внутренній рынокъ. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, имѣли гораздо большее значеніе, чѣмъ намѣренія руководителей Банка. Поднятіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты было особенно значительно какъ разъ въ эпоху контръ-революціи. Такимъ образомъ, если даже Банкъ и закупалъ въ 1906—08 г.г. въ свой фондъ земли по цѣнѣ болѣе дорогой, чѣмъ онъ могъ бы ее купить (надо замѣтить, что паденіе земельныхъ цѣнъ

въ это время было вызвано, конечно, моментами не экономическаго порядка), то теперь во всякомъ случаѣ, послѣ дальнѣйшаго повышенія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, эти земельныя цѣны перестали быть высокими. Что наше утвержденіе въ основѣ правильно можно усмотрѣть изъ того, что, вопреки всѣмъ пессимистическимъ предсказаніямъ, финансовое положеніе Крестьянскаго Банка удовлетворительно, недоимки крестьянъ по платежамъ Банку сравнительно незначительны.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, кто долженъ заплатить за землю, крестьянство ли, получающее землю, государство ли, отбирающее ее, или и то, и другое, я перейду къ вопросу о томъ, можетъ ли земля отдаваться крестьянству безплатно. На этотъ вопросъ я долженъ отвѣтить отрицательно, и притомъ не по финансовымъ только мотивамъ, но, главнымъ образомъ, по мотивамъ производственнымъ. Все равно будетъ-ли земля передана въ собственность отдѣльнымъ крестьянамъ или общинамъ ихъ, будетъ ли она муниципализирована или національзирована, безъ платежа ренты за землю нельзя обойтись. Рента является выраженіемъ того средняго напряженія, съ которымъ земля въ интересахъ народнаго хозяйства должна быть использована. Если только проектируемая реформа будетъ организована въ согласіи съ интересами народнаго хозяйства и откроетъ новые пути для прогресса хозяйства, то платежъ ренты, соотвѣтствующей цѣнамъ отчужденія земли (особенно если цѣны будутъ по политическимъ условіямъ урѣзаны), не можетъ быть тягостнымъ. Земельныя цѣны въ Россіи, вообще, очень низки, онѣ являются свидѣтельствомъ нашей экономической отсталости, и такія цѣны наше возрожденное сельское хозяйство должно осилить. Во всякомъ случаѣ эти рентные платежи будутъ во много разъ ниже тѣхъ арендныхъ платежей, которые до войны платило крестьянство, а между тѣмъ условія хозяйничанья на освоенной землѣ гораздо лучше, чѣмъ на арендованной.

Думать, что само крестьянство будетъ располагать достаточными внутренними стимулами для доведенія хозяйства до надлежащаго уровня интенсивности и безъ рентныхъ

платежей—едва-ли есть основаніе. Я напомню здѣсь изслѣдованія А. В. Чаянова, которыя говорятъ за то, что пока крестьяне работаютъ постольку, поскольку это необходимо для удовлетворенія лишь элементарныхъ потребностей. Конечно, съ ростомъ культуры населенія такое положеніе должно измѣниться къ лучшему, и внутренніе стимулы къ труду будутъ дѣйствовать напряженнѣе. Но во всякомъ случаѣ преображеніе народныхъ массъ совершается лишь постепенно. Въ Западной Европѣ крестьянство имѣетъ регулятора, опредѣляющаго нормальную интенсивность хозяйства, въ земельной цѣнѣ, и я не думаю, чтобы русское крестьянство могло безъ этого регулятора обойтись по отношенію къ землѣ, на которой мы только что разрушили одно хозяйство, чтобы создать другое. Безплатная передача земли насъ ставитъ передъ реальной опасностью ниспаденія интенсивности хозяйства на низшій уровень.

Но безплатная раздача земли поставила бы насъ и передъ другой реальной опасностью: мы потеряли бы всякій критерій того, кого надлежитъ надѣлить землей. Въ настоящее время земля въ Европейской Россіи является капиталомъ, т. е. она можетъ служить источникомъ нетрудового дохода. Если землю раздавать безплатно, то къ ней всѣ потянутся, всякій захочетъ стать участникомъ такой дѣлежки. Мы, дѣйствительно, осуществимъ тогда право на землю, но оно приведетъ къ тому, что землю заберутъ не только стремящіеся извлекать изъ нея доходъ своими руками, но страстно потянутся и тѣ, кто надѣется этотъ доходъ извлекать чужими руками. Я позволю себѣ выразить сомнѣніе, чтобы этого можно было избѣжать запрещеніями аренды и найма рабочихъ. Не значило ли бы это дѣйствительно «trop gouverner»? Обязательство платежа ренты не остановитъ человѣка труда, но ослабитъ интересъ къ нарѣзкѣ тѣхъ, кто на землѣ не собирается трудиться.

Довольно печально то, что приходится эти элементарныя положенія сейчасъ доказывать. Я не могу не замѣтить, что сторонники націонализаціи земли въ Западной Европѣ никогда противъ платежа ренты и не возражали, они лишь считали, что этотъ платежъ долженъ поступать въ пользу

государства, а не въ пользу частныхъ лицъ. Еще въ 1905 г весьма рѣшительные сторонники націонализаціи земли у насъ признавали необходимость рентныхъ платежей, а теперь лозунгъ безплатной раздачи земли становится все болѣе популярнымъ и грозитъ внести полную дезорганизацію въ земельную реформу. Я позволю себѣ выразить мнѣніе, что интеллигенціи необходимо бороться противъ лозунга, бросаемаго въ ряды крестьянства, будто бы новый режимъ будетъ раздавать землю безплатно.

Далѣе я считаю чрезвычайно важнымъ возможно скорѣе выяснить наличный земельный фондъ, который можетъ быть парцеллированъ. И въ этомъ отношеніи существуютъ большія иллюзіи. Какъ разъ въ центрально-черноземныхъ и средневолжскомъ районахъ, гдѣ спросъ на землю выступаетъ особенно остро, количество подлежащей принудительному отчужденію земли, по сравненію съ потребностью крестьянъ въ ней, не такъ ужъ значительно. Какъ разъ здѣсь въ контръ-революціонный періодъ была отчуждена крестьянамъ значительная часть земель крупнаго владѣнія. Иллюзіи о нашихъ колоссальныхъ земельныхъ богатствахъ создаются упрощенной земельной ариѳметикой, которой пестритъ каждая популярная брошюрка, каждая газетная статья, къ сожалѣнію, носящая иногда подпись людей, не безызвѣстныхъ въ странѣ и не лишенныхъ вліянія. Совершенно не желаютъ считаться съ тѣмъ, что вѣдь частновладѣльческія земли заключаютъ въ своемъ составѣ громадныя массы лѣсовъ и неудобныхъ земель, совершенно не считаются съ тѣмъ, что цѣнность земли опредѣляется ея естественными и рыночными условіями, совершенно не считаются съ тѣмъ, что земля находится въ изобиліи не тамъ, гдѣ остро чувствуется въ ней нужда, а создавать въ настоящее время переселеніе десятковъ милліоновъ людей на сотни и тысячи верстъ это предпріятіе безумное, его не выполнитъ никакое государство, его не пожелаетъ и само населеніе, да оно и ненужно, ибо въ концѣ концовъ не въ землѣ только спасеніе Россіи.

Надо честно сказать, что и новый режимъ земельнаго Эльдорадо осуществить не въ состояніи, онъ не сумѣетъ

надѣлить землей всѣхъ на нее претендующихъ въ желаемомъ ими количествѣ, и онъ не сумѣетъ и не долженъ раздавать ея безплатно.

Мы не скрываемъ отъ себя, что эти двѣ иллюзіи, которыя поддерживаются въ народѣ, грозятъ величайшей опасностью и судьбѣ земельной реформы, и судьбѣ самой демократіи.

Если это утвержденіе правильно, то сохраняютъ свое значеніе и другія мѣры для ослабленія аграрнаго кризиса, которыми пользовался и старый режимъ. Сюда относится прежде всего переселеніе, которое при старомъ режимѣ было поставлено гораздо шире, чѣмъ весьма компетентныя лица это считали возможнымъ. Значеніе переселенія, впрочемъ, не исчерпывается устраненіемъ нѣкоторой части избыточнаго населенія. Чрезвычайно важно то, что многоземельное, богатое крестьянство окраинъ создаетъ богатый рынокъ для промышленности Европейской Россіи и тѣмъ способствуетъ ея индустріализаціи.

А затѣмъ важнѣе всего интенсивированіе крестьянскаго хозяйства, для чего условія сейчасъ создаются исключительно благопріятныя. Эта мѣра имѣетъ значеніе во всякомъ случаѣ не меньшее, чѣмъ дополнительная прирѣзка земли.

Интенсивированіе хозяйства предполагаетъ усвоеніе одного изъ основныхъ принциповъ аграрной политики стараго режима—землеустройства (подъ которымъ я разумѣю не выходъ изъ общины, а коммассацію земли). Было-бы величайшей ошибкой механически прирѣзать новый земельный фондъ къ старому и тѣмъ увеличить то длинноземелье, и ту черезполосицу, которыя обезсиливаютъ современное крестьянское хозяйство. Необходимо признать всѣ основы землеустройства: земля должна быть по возможности слита, приближена къ усадьбѣ и освобождена отъ принудительнаго сѣвооборота. Не слѣдуетъ думать, что землеустройство можетъ производиться только на землѣ, состоящей въ частной собственности, оно можетъ быть приспособлено и къ потребностямъ земли, находящейся и въ общинномъ владѣніи. На это я имѣлъ случай уже указать въ своемъ

докладѣ Вольному Экономическому Обществу въ 1909 г. Нельзя отрицать того, что землеустройство несомнѣнно имѣло успѣхъ, и спросъ на него превысилъ тѣ землемѣрныя силы, которыми старый режимъ располагалъ. И было бы, конечно, весьма нежелательно, чтобы новый режимъ отказался отъ этой важной для сельскаго хозяйства мѣры единственно потому, что ее выдвинулъ старый режимъ.

Указывая, что во многихъ отношеніяхъ новому режиму придется перерабатывать въ демократическомъ духѣ реформы, отчасти уже начатыя при старомъ режимѣ, я ничуть не желалъ бы преуменьшить значенія новой реформы. Не говоря уже о громадномъ положительномъ значеніи для политической жизни Россіи того факта, что дворянство—этотъ столпъ русской реакціи—потеряетъ свою соціально-экономическую базу, конечно, передача крестьянству земельнаго фонда, который раза въ четыре превыситъ тотъ, который къ нему перешелъ въ контръ-революціонный періодъ, можетъ быть исходнымъ пунктомъ громаднаго и соціальнаго, и экономическаго прогресса. Но я хотѣлъ-бы подчеркнуть, что не въ прирѣзкѣ земли только дѣло. Что плохо проведенная эта реформа прибавитъ крестьянству очень мало, ибо въ концѣ концовъ и та земля, которая находилась раньше въ рукахъ крупнаго землевладѣнія, вѣдь то же ему и народному хозяйству кое-что давала. Плохо проведенная эта реформа можетъ даже совершенно потрясти наше народное хозяйство. Слѣдовательно, не меньше чѣмъ самая прирѣзка важна вся та система аграрныхъ мѣропріятій, въ которую она будетъ включена.

III.

Теперь я сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія о формахъ владѣнія землей, которыя поставлены на очередь, и которыхъ я коснусь лишь вкратцѣ. Здѣсь я прежде всего позволю себѣ выставить одно положеніе: мнѣ представляется совершенно невозможнымъ для всей Россіи съ ея разнообразными естественными и экономическими условіями, съ этнографическимъ разнообразіемъ ея населенія, декретированіе

единаго земельнаго закона. Такія требованія, какъ «частная земельная собственность въ Россіи отмѣняется», могутъ включаться въ программы, какъ директивы, но никакое законодательное учрежденіе не можетъ такъ лаконически рѣшать вопросовъ, которые рѣзко задѣваютъ интересы 100 милліоновъ гражданъ на пространствѣ отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана. Я думаю, что и демократическая власть обязана въ этомъ вопросѣ сообразоваться съ привычками и взглядами населенія и реформировать ихъ постепенно.

Довольно остро поставленъ жизнью вопросъ о судьбѣ земли, выдѣленной изъ общины. Довольно распространенъ взглядъ, что выдѣленная земля должна быть принудительно возвращена въ общину. Но мнѣ представляется, что и къ этому вопросу приходится отнестись съ большой осторожностью. Вообще, воззрѣнія русскаго общества на процессъ распада или разрушенія общины должны быть пересмотрѣны, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время этотъ вопросъ потерялъ свое острое политическое значеніе.

Когда вышелъ указъ 9 ноября 1906 г., то первоначально наша пресса утверждала, что онъ не войдетъ въ жизнь. Но это предсказаніе не оправдалось—выходы изъ общины получили громадное распространеніе. Тогда принята была другая версія—всѣ выходы являются результатомъ внѣшняго давленія со стороны агентовъ правительства, и это объясненіе поднесь остается господствующимъ. Что давленіе имѣло мѣсто—не подлежитъ, конечно, сомнѣнію. Но, если мы примемъ во вниманіе, что изъ общины выдѣлилось 2 милліона дворовъ, то нельзя не признать, что такого рода объясненіе такихъ колоссальныхъ по своимъ размѣрамъ соціальныхъ процессовъ является чѣмъ-то весьма примитивнымъ. Истинное объясненіе этого быстраго разрушенія общины надо искать въ тѣхъ стихійныхъ экономическихъ процессахъ, которые подготовили распадъ общины, и которые правительство Указомъ 9 ноября и использовало преимущественно въ цѣляхъ контръ-революціонныхъ—въ цѣляхъ разрушенія единства крестьянскаго міра.

Что же подготовило распаденіе общины? Оно подготовлено тѣмъ же самымъ процессомъ развитія мѣнового хо-

зяйства, которое въ свое время привело къ освобожденію крестьянъ. Раскрѣпощеніе крестьянъ совершилось въ Россіи, какъ и во многихъ другихъ странахъ, не безъ согласія дворянства. Послѣднее примирилось съ этой мѣрой въ тотъ моментъ, когда оно убѣдилось, что рабочаго уже не зачѣмъ держать на привязи, ибо онъ самъ придетъ, если только прибрать къ рукамъ важнѣйшее орудіе производства—землю. Этотъ моментъ наступаетъ тогда, когда населеніе достигло извѣстной густоты, когда его потребности и трудоспособность достигли извѣстнаго напряженія, когда мѣновое хозяйство достигло извѣстнаго развитія. Земля въ этихъ условіяхъ уже превратилась въ капиталъ, т. е. въ возможный источникъ нетрудового дохода.

Превращеніе надѣльной земли въ капиталъ было у насъ искусственно задержано тяжестью легшихъ на нее платежей. Но съ теченіемъ времени платежи сокращались, а доходность ея возрастала. И надѣльная земля превратилась въ капиталъ, и ее прикрѣпить стало выгодно. Съ дифференціаціей сельскаго населенія численность тѣхъ, кто хотѣлъ бы закрѣпить за собой землю возрастала Указъ 9 ноября 1906 г. далъ свободу и пошелъ навстрѣчу этимъ накопившимся въ общинѣ центробѣжнымъ силамъ. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ контръ-революціонный режимъ оказался гораздо дальновиднѣе, чѣмъ его считало наше общество, онъ сумѣлъ опереть свою политику на извѣстныя соціальныя противорѣчія, уже намѣтившіяся въ крестьянствѣ.

Въ настоящее время уже можно считать болѣе или менѣе выясненнымъ, какія группы оставляли общины. Эти группы, вообще, разнообразны, но это не средніе общинники. Это прежде всего многодушники, боявшіеся передѣловъ, это дворы, богатые средствами или иниціативой, тяготившіеся давленіемъ міра, это, съ другой стороны, дворы, почему либо порвавшіе съ хозяйствомъ, дворы слабые, переселенцы въ Сибирь или на земли Крестьянскаго банка. Выдѣленная земля, какъ извѣстно, подверглась довольно интенсивному процессу мобилизаціи. Однако, сильной концентраціи мобилизованной земли пока не констатировано.

Несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ этотъ мобилизаціонный процессъ имѣлъ положительное значеніе: онъ закрѣпилъ землю за тѣми, которые дѣйствительно хозяйничаютъ, изъявъ ее изъ рукъ промышленниковъ и слабыхъ дворовъ, все равно сдававшихъ ее въ аренду, онъ явился финансовой основой того огромнаго переселенческаго движенія, которое ознаменовало собою годы контръ-революціи. и которое безъ возможности продавать надѣлы не могло бы получить столь широкаго развитія. Какъ бы мы эти процессы ни оцѣнивали, но мнѣ представляется, что ясно должно быть одно: нельзя надѣлы двухъ милліоновъ дворовъ, однажды выдѣленные изъ общины, насильно туда вернуть.

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что эти выдѣлы сопровождались актами насилія противъ общины, многія общины потерпѣли существенный ущербъ. Однако, при принудительномъ отчужденіи частновладѣльческой земли едва-ли представятся серьезныя трудности для справедливаго возмѣщенія причиненнаго ущерба.

Что касается закона 1910 г. о выдѣлѣ изъ общины, то, конечно, при новомъ режимѣ онъ долженъ быть коренным образомъ переработанъ. Однако, не думаю, чтобы и при новомъ строѣ возможно было его просто отвергнуть. Личность имѣетъ свои права, которыхъ ни одинъ строй ея лишать не долженъ. И я держусь того взгляда, что успѣхи сельскаго хозяйства связаны какъ съ дѣятельностью свободной личности, такъ и съ умѣньемъ координировать свои интересы съ интересами цѣлаго. Въ связи съ этимъ я полагаю, что если будетъ отвергнутъ выдѣлъ изъ общины землей, то долженъ быть допущенъ выдѣлъ деньгами.

Я не считаю возможнымъ здѣсь обойти труднаго вопроса объ экономической оцѣнкѣ мелкой крестьянской собственности. Она, какъ извѣстно, является своего рода bête noire русской интеллигенціи. Впрочемъ, я совершенно не хочу касаться вопроса о частныхъ собственникахъ-крестьянахъ, какъ о соціально-политическомъ классѣ, я хотѣлъ бы говорить единственно о частной собственности, какъ объ экономическомъ институтѣ. У насъ господствуетъ убѣжденіе, что

будто бы институтъ этотъ чрезвычайно непроченъ. Даже въ учебникахъ прописано, что при свободной мобилизаціи крестьянской мелкой собственности ей обязательно предстоитъ, съ одной стороны, концентрація, а, съ другой, распыленіе на мелкіе участки. Изъ этого дѣлается выводъ, что будто бы крестьянская частная собственность нуждается въ какихъ-то особыхъ подпоркахъ, въ видѣ недробимости, неотчуждаемости, запрещенія залога и т. п.

Означенное ученіе было развито во второй половинѣ истекшаго столѣтія германскими консервативными аграрѣ-политиками. Отчасти, они, дѣйствительно, опасались за судьбы крестьянства въ эпоху аграрнаго кризиса; однако, отчасти «умыселъ другой здѣсь былъ». Германскіе аграрѣ-политики въ ихъ большинствѣ являются приверженцами стараго сословнаго строя. Они очень хотѣли бы, чтобы крупное землевладѣніе сохранилось въ рукахъ дворянства; что касается крестьянства, то, искусственно задержавъ дробленіе его надѣловъ, они хотѣли бы изъ него создать мелкую буржуазію, какъ второй оплотъ трона Гогенцоллерновъ. Интересы демократіи были германскимъ аграрѣ-политикамъ совершенно чужды. Подъ защитой своихъ аграрѣ-политиковъ германскія аграріи (т. н. nothleidende Landwirte) заполучили отъ правительства не мало поблажекъ, что касается крестьянства, то, надо сказать, что оно довольно холодно отнеслось къ призывамъ ограничить его право распоряженія своей землей.

Указанное ученіе о какой-то исключительной неустойчивости мелкой крестьянской собственности было перенесено А. С. Постниковымъ и А. И. Чупровымъ на русскую почву, главнымъ образомъ, съ цѣлью защиты общиннаго землевладѣнія. Такимъ образомъ, русскіе экономисты въ данномъ случаѣ оказались солидарными съ германскими аграрѣ-политиками, хотя общественныя симпатіи тѣхъ и другихъ были діаметрально противоположны.

Въ настоящее время можно съ полной рѣшительностью утверждать, что тревоги германскихъ аграрѣ-политиковъ оказались напрасными. Мелкая частная собственность сравнительно благополучно перенесла аграрный кризисъ, и какъ

была, такъ и осталась институтомъ весьма прочнымъ. И скорѣе она разъѣдаетъ твердыни крупнаго землевладѣнія, чѣмъ послѣднее ее поглощаетъ. Съ развитіемъ кооперації и лучшей организаціей земельнаго кредита, положеніе мелкой крестьянской собственности окончательно консолидировалось. И надо признать, въ настоящее время, институтъ крестьянской частной собственности хорошо приспособленнымъ къ современному мѣновому строю. Я остановлюсь на нѣкоторыхъ сторонахъ этого вопроса, ибо онѣ неправильно освѣщаются въ русской экономической литературѣ.

У насъ широко распространено убѣжденіе, что будто бы община имѣетъ то преимущество передъ частнымъ землевладѣніемъ, что она хорошо обезпечиваетъ землей приростъ населенія, что этимъ достоинствомъ не отличается частная собственность, а такъ какъ ей нельзя позволить дробиться, то ей необходимы подпорки въ видѣ законовъ о недробимости земли, единонаслѣдія и т. п. Насколько этотъ взглядъ является всеобщимъ, можно судить по тому, что его высказывали при разсмотрѣніи законопроекта о недробимости крестьянскихъ надѣловъ не только А. В. Пѣшехоновъ, но и А. А. Кауфманъ, этого преимущества общины не отвергаетъ и авторъ оффиціальной объяснительной записки, къ закону о недробимости крестьянскаго землевладѣнія, — защитникъ частной собственности ex officio. А между тѣмъ, указанное преимущество общины можно признать таковымъ только съ частнохозяйственной точки зрѣнія, съ народно-хозяйственной же точки зрѣнія въ этомъ видимомъ преимуществѣ и есть ея Ахиллесова пята.

Дѣйствительно, счастливый отецъ 4-хъ сыновей, можетъ, конечно, съ радостнымъ упованіемъ ожидать грядущаго передѣла. Но вѣдь отъ этого надѣлъ общины не увеличится. И по мѣрѣ того, какъ общинники будутъ такъ размножаться все на томъ же надѣлѣ, перенаселеніе будетъ къ нимъ подкрадываться медленно, но вѣрно, «яко тать во нощи».

Наоборотъ, частный собственникъ знаетъ, что ему никто земли не дастъ, и онъ самъ заботится о своемъ приростѣ, онъ заранѣе подготовляетъ избыточныхъ дѣтей къ оста-

вленію отцовскаго надѣла. А когда наступитъ моментъ раздѣла, то, кромѣ отцовскихъ сбереженій, ипотечный кредитъ дастъ средства для окончательнаго устройства избыточныхъ сонаслѣдниковъ. Въ связи съ этимъ крестьянская частная собственность при хорошо организованномъ ипотечномъ кредитѣ и не нуждается во внѣшнихъ подпоркахъ противъ ея дробленія. Крестьянство въ этомъ отношеніи достаточно предусмотрительно. Крестьянская частная собственность содѣйствуетъ процессу профессіональной дифференціаціи населенія, и этимъ вполнѣ удовлетворительно справляется съ одной изъ самыхъ сложныхъ народнохозяйственныхъ задачъ, чего нельзя сказать про общинное землевладѣніе, которое поэтому и сопровождается часто аграрнымъ перенаселеніемъ. А между тѣмъ, я позволю себѣ признать основнымъ положеніе, что народное хозяйство можетъ развиваться нормально лишь при условіи, если часть или даже весь приростъ сельскаго населенія будетъ покидать отцовскіе надѣлы, и та форма земельной собственности, которая задерживаетъ приростъ на землѣ, является съ народнохозяйственной точки зрѣнія несостоятельной.

Сказанное можно подтвердить хотя бы на примѣрѣ Франціи, которая уже давно живетъ при режимѣ неограниченной частной собственности. При этомъ Наполеоновскій кодъ слѣдуетъ признать весьма плохо приспособленнымъ къ сельскому хозяйству. Онъ стимулируетъ реальное дѣленіе участковъ, вмѣсто того, чтобы таковое задерживать. Не было недостатка въ самыхъ мрачныхъ предсказаніяхъ, касательно будущности крестьянскаго землевладѣнія во Франціи. Извѣстна банальная фраза: la terre de France tombe en poussière. Въ дѣйствительности, въ этой фразѣ заключается только та правда, что во Франціи замѣчается сильнѣйшая черезполосица, ибо она, вслѣдствіе фанатизма собственности своего крестьянства, поднесь не обзавелась землеустроительнымъ закономъ. Но экономическая позиція французскаго собственника весьма прочна. Какъ ни много числится парцеллъ, но число ихъ владѣльцевъ не возрастаетъ. Ни о поглощеніи крестьянской собственности, ни объ ея чрезмѣрномъ раздробленіи не можетъ быть и рѣчи

Французское крестьянство принадлежитъ къ числу очень зажиточныхъ.

Но могутъ сказать, что французское крестьянство не размножается, и только, благодаря этому, оно сохраняетъ свои участки отъ чрезмѣрнаго дробленія. Это вѣрно, но подъ режимомъ Наполеонова кодекса живетъ и крестьянство Рейнской провинціи, и швейцарское крестьянство; и то, и другое размножается исправно, а аграрнаго перенаселенія тамъ не замѣтно. Что касается Рейнской провинціи, то тамъ какъ разъ жалуются на то, что крестьянскія дѣти не хотятъ оставаться на землѣ, что они слишкомъ тяготѣютъ къ веселой городской жизни, и именно это положеніе характерно для Западной Европы.

Мнѣ остается указать еще, что въ ипотечномъ кредитѣ мелкое хозяйство имѣетъ средство для привлеченія капитала къ землѣ,—средство, которое при подлежащей постановкѣ земельнаго кредита нельзя считать опаснымъ. Земельныя цѣны, съ которыми крестьянинъ не можетъ не считаться, даютъ ему директиву касательно того уровня интенсивности, съ которымъ при данныхъ условіяхъ слѣдуетъ вести хозяйство. Правда, при земельной тѣснотѣ эти цѣны могутъ стать средствомъ эксплоатаціи малоземельнаго крестьянства. Но аграрное перенаселеніе, какъ мы указали, приходится не часто наблюдать на Западѣ.

Я указалъ здѣсь на нѣкоторыя сильныя стороны крестьянской частной собственности, ибо эти достоинства у насъ игнорируются. Я хотѣлъ бы изъ сказаннаго сдѣлать только одинъ выводъ: если мы хотимъ сохранить общинное землевладѣніе или создать новыя формы собственности, вродѣ муниципальной или національной, то и эти формы собственности должны быть такъ же хорошо приспособлены къ мѣновому и капиталистическому хозяйству, какъ къ нему приспособлена крестьянская частная собственность. Такое созданіе новыхъ формъ возможно лишь при ясномъ сознаніи сильныхъ и слабыхъ сторонъ существующихъ формъ владѣнія землей. Во всякомъ случаѣ игнорированіемъ сильныхъ сторонъ крестьянской частной собственности, изъза ненависти къ буржуазному обществу, и идеализаціей

общины изъ-за ея связи съ соціализмомъ, мы къ рѣшенію вопроса, хотя бы и въ направленіи соціализма, не подойдемъ. Во всякомъ случаѣ со старыми идеями о возвратѣ къ натуральному хозяйству пора окончательно порвать.

Нѣкоторыя изъ высказанныхъ мною мыслей, конечно, совсѣмъ не модны. Къ числу такихъ мыслей слѣдуетъ отнести болѣе осторожную, а иногда даже, horribile dictu!, положительную оцѣнку мѣропріятій стараго режима, но особенно непопулярной является въ настоящее время мысль, что за принудительно отчуждаемую землю придется кое-что заплатить, и что раздавать безплатно землю, ввидѣ правила, нельзя. Однако, я полагалъ, что чѣмъ правильная мысль меньше проникла въ сознаніе общества и народа, тѣмъ меньше имѣетъ права докладчикъ въ такой исключительный отвѣтственный моментъ ее скрывать и, дѣйствуя такъ, я думаю, я не погрѣшилъ противъ благородныхъ традицій Вольнаго Экономическаго Общества.

Б. Бруцкусъ.

ПРОГРАММА

изслѣдованія условій разрѣшенія земельнаго вопроса въ Россіи.

(Принятая 2-го апрѣля 1917 г. Общимъ Собраніемъ Петроградскаго Отдѣла «Лиги аграрныхъ реформъ»).

Нетрудовое землевладѣніе и хозяйство.

1) Распредѣленіе частнаго землевладѣнія по районамъ, размѣрамъ владѣнія, сословіямъ, родамъ угодій, качеству земли и пр.

2) Отдача въ аренду частновладѣльческой земли. Площадь этой земли, по различнымъ районамъ, съ распредѣленіемъ земель по размѣрамъ владѣнія и по родамъ угодій. Кому сдается земля въ аренду, способы обработки ея, формы арендной платы, народно-хозяйственная оцѣнка аренды

3) Характеръ и экономическіе результаты частновладѣльческаго хозяйства по различнымъ районамъ, съ распредѣленіемъ земель по размѣрамъ владѣнія и по различнымъ родамъ хозяйства (хозяйство зерновое, молочное, племенное, садоводческое, плантаторское, сѣменное, лѣсное, свеклосахарное и т. д.). Заработки населенія въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ. Народно-хозяйственная оцѣнка частновладѣльческаго хозяйства.

4) Особо производительныя частныя хозяйства въ различныхъ районахъ, ихъ значеніе и характеристика.

5) Задолженность частнаго землевладѣнія по различнымъ районамъ.

6) Характеръ мобилизаціи частновладѣльческой земли по различнымъ районамъ, по размѣрамъ продаваемыхъ участковъ, цѣнамъ на землю и пр.

7) Площадь земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, церковныхъ, монастырскихъ, общественныхъ учрежденій, по различнымъ районамъ съ распредѣленіемъ земель по размѣрамъ владѣнія, по родамъ угодій, качеству земли, ея цѣнности и пр. Способы пользованія этой землей.

Трудовое землевладѣніе и хозяйство.

8) Площадь крестьянскаго землевладѣнія (надѣльная и покупная земля) по различнымъ районамъ, съ распредѣленіемъ земель по размѣрамъ владѣнія, по родамъ угодій, качеству земли и пр.

Примѣчаніе. Подъ крестьянскимъ хозяйствомъ подразумѣвается трудовое хозяйство, безъ различія сословія субъекта владѣнія.

9) Крестьянская аренда, внѣнадѣльная и внутринадѣльная. Площадь арендуемой крестьянами земли по различнымъ районамъ съ распредѣленіемъ по размѣрамъ участковъ, арендуемыхъ отдѣльными крестьянами и по родамъ арендуемыхъ угодій. У кого земля берется въ аренду, способы обработки ея, формы арендной платы, народно-хозяйственная оцѣнка аренды. Вынужденная аренда (отрѣзки и другія формы кабальной аренды), сервитуты.

10) Характеристика крестьянскаго хозяйства въ различныхъ районахъ, его производительности и доходности

Аграрныя реформы эпохи контръ-революціи.

11) Характеръ аграрныхъ реформъ:

а) Дѣятельность Крестьянскаго Банка и ея оцѣнка. Финансовое положеніе Банка.

б) Переселенческая политика. Ея результаты и оцѣнка. Вліяніе переселенческой политики на положеніе старожильческаго и инородческаго населенія.

в) Мобилизація выдѣленной земли. Положеніе общины.

г) Землеустройство на надѣльныхъ и банковыхъ земляхъ. Отруба и хутора

Проблемы современной земельной реформы.

12) Трудовая, продовольственная, организаціонно-произведенная нормы и вообще принципы установленія подобныхъ нормъ. Размѣры крестьянскаго землевладѣнія по различнымъ районамъ до войны и послѣ войны въ связи съ родомъ и общими условіями крестьянскаго хозяйства въ каждомъ районѣ.

13) Учетъ крестьянскаго малоземелья по районамъ и его отношеніе къ фонду нетрудового землевладѣнія.

14) Вопросъ объ установленіи максимума частнаго землевладѣнія, не подлежащаго отчужденію (по какимъ признакамъ и для всякаго ли рода хозяйствъ; нуженъ ли максимумъ землевладѣнія въ огородномъ, плодовомъ, плантаторскомъ, лѣсномъ хозяйствѣ и т. п.). Въ какое положеніе (по отношенію къ общему аграрному законодательству) должны быть поставлены хозяйства, къ которымъ не примѣняется максимальная норма.

15) Вопросъ о недробимости нѣкоторыхъ родовъ хозяйствъ по техническимъ условіямъ (въ частности лѣсного хозяйства).

16) Экономическія условія отчужденія частновладѣльческой земли (конфискація или выкупъ). Въ послѣднемъ случаѣ методы оцѣнки земли, формы и способы расплаты и пр.

17) Формы владѣнія и пользованія какъ отчуждаемой землей, такъ и вообще всей земельной площадью (націонализація земли, соціализація, муниципализація или сохраненіе существующихъ формъ землевладѣнія и землепользованія). Должны ли эти вопросы получить общія рѣшенія для всѣхъ районовъ Россіи или же допустимо ихъ различное рѣшеніе въ различныхъ районахъ.

18) Вопросъ о владѣніи нѣдрами земли.

19) Оцѣнка дѣятельности крестьянскаго и дворянскаго, а также частныхъ земельныхъ банковъ, съ точки зрѣнія интересовъ крестьянскаго хозяйства.

20) Вопросъ о судьбахъ нѣмецкаго землевладѣнія.

21) Характеръ аграрнаго движенія въ 1905 г. и современнаго аграрнаго движенія. Требованія крестьянства въ различныхъ районахъ.

22) Мѣры, долженствующія быть принятыми въ переходное время для обезпеченія успѣха земельной реформы (ограниченіе свободы мобилизаціи земли, принудительное регулированіе аренды, примирительныя учрежденія).

23) Иностранное земельное законодательство въ интересахъ развитія крестьянскаго хозяйства.

24) Вопросъ о рѣшеніи земельнаго вопроса при помощи налогового законодательства (единый налогъ).

25) Вопросъ объ аграрномъ законодательствѣ послѣ разрѣшенія земельнаго вопроса.